

— Ты можешь стать вегетарианцем, есть меньше курицы, утки и рыбы в обычные дни, и это, вероятно, компенсирует вред от одного лекарственного испытания, — с улыбкой сказал Ли Чжэн.

Лю Мэнлинь замер, потрогав свой нос:

— Тогда лучше не стоит.

Ли Чжэн наблюдал за тем, как партии белых мышей вывозили из лаборатории, и вдруг произнес:

— Ради человечества.

Действия всех в лаборатории на мгновение замерли, на лицах появилась торжественность.

Да, ради человечества!

На рассвете 30-го числа Сюй Миншэн смотрел на Ли Чжэна с почти восхищением. Даже с учетом смутных воспоминаний из прошлой жизни, пяти дней было недостаточно, чтобы мир стал свидетелем рождения нового лекарства.

Но Сюй Миншэн мог без преувеличения сказать, что за эти несколько дней молекула нового лекарства от болезни «замерзающей крови» уже начала проявляться перед их глазами. С таким прогрессом, возможно, через год, а то и полгода, новое лекарство от болезни «замерзающей крови» могло бы выйти на рынок.

Даже с учетом того, что они могли опираться на состав препарата Амисадин, такая скорость была настоящим чудом.

Ли Чжэн молча взглянул на белый лист бумаги, испещренный множеством зачеркнутых молекул, и вздохнул. Если бы не смутные воспоминания из прошлой жизни, только на основе состава Амисадина ему потребовалось бы больше полугода, чтобы дойти до стадии испытаний на животных. Хотя по сравнению с нынешними лабораториями это было бы быстро, он все равно был недоволен.

Неужели он слишком жаден? Ли Чжэн горько усмехнулся. Жизнь человека длится всего несколько десятилетий, и он хотел быть максимально продуктивным, чтобы оправдать свое второе рождение.

— Самолет в одиннадцать утра, нам пора отправляться. Мэнлинь, лаборатория остается в прежнем состоянии, мы вернемся и продолжим испытания на животных! — Воодушевление от того, что новое лекарство вот-вот появится в его руках, сделало Сюй Миншэна крайне возбужденным.

Лю Мэнлинь громко согласился, одновременно украдкой бросая взгляд на Ли Чжэна.

Ли Чжэн рассмеялся:

— Я напишу статью в самолете, и вы все будете указаны как вторые авторы.

Лю Мэнлинь и Чжан Юэцзюнь засмеялись.

Поскольку Азиатская конференция по биофармацевтике длилась три дня, трое быстро собрали вещи. По пути Сюй Миншэн вдруг кашлянул и серьезно сказал:

— Я не буду указан как второй автор. Но подпись в твоей статье...

Ли Чжэн, глядя на Сюй Миншэна, который избегал его взгляда, с улыбкой ответил:

— Учитель, эксперимент я проводил в вашем кабинете, поэтому в подписи, естественно, будет указана медицинская лаборатория университета Сянцзяна.

Сюй Миншэн широко раскрыл глаза:

— Первая медицинская лаборатория университета Сянцзяна! — Он не хотел, чтобы Ли Чжэн пропустил два слова, и его старые коллеги получили незаслуженную славу.

Ли Чжэн усмехнулся:

— Хорошо, учитель.

Когда они поспешно прибыли в аэропорт, профессор Ван, профессор Чжао и аспирантка Ян Нину уже ждали их. Профессор Ван и профессор Чжао с подозрением смотрели на троих с темными кругами под глазами.

— Что вы делали эти дни? Лао Сюй, тебе уже почти пятьдесят, ты не молодой человек, так что не переусердствуй, — с улыбкой сказал профессор Ван.

Сюй Миншэн засмеялся, но ничего не ответил. Когда статья выйдет, он напугает этих двух стариков!

Профессор Ван и профессор Чжао обменялись взглядами, в глазах каждого читалось недоумение. Этот старый Сюй сегодня ведет себя странно. Обычно, если его назвать старым, он мог бы долго насмехаться, но сегодня он держался спокойно.

Но они не стали задумываться об этом. Что могло произойти за четыре-пять дней? К тому же, они работали в одном университете, и ничто важное не могло остаться от них скрытым.

Шестеро поднялись на борт самолета.

— Ян Нину, поменяйся местами с Ли Чжэном, — вдруг сказал Сюй Миншэн, когда они подошли к своим местам.

Шесть мест, три в ряд. Ян Нину и профессор Ван получили места у окна. Порядок в двух рядах был следующим: Ян Нину, профессор Чжао, Лю Мэнлинь; профессор Ван, Ли Чжэн, Сюй Миншэн.

— Хорошо, — Ян Нину, не задумываясь, согласилась и с улыбкой поменялась местами с Ли Чжэном.

— Лао Чжао, я тоже поменяюсь с тобой, — не дав возразить, Сюй Миншэн сел в середину первого ряда.

Профессор Ван и профессор Чжао переглянулись, обменявшись взглядами. У этого старого Сюя точно есть секрет! И этот секрет связан с Ли Чжэном!

Ли Чжэн потрогал нос. Он, конечно, понимал намерения профессора Сюя — место у окна, с другой стороны Сюй Миншэн, чтобы ему было удобнее писать статью.

Когда самолет благополучно приземлился в аэропорту Токио, Ли Чжэн успел завершить черновик статьи.

Шестеро, смеясь, вышли из аэропорта с чемоданами. Вдруг Ли Чжэн замер, его взгляд привлекла группа людей за пределами аэропорта.

Они были одеты в слегка старомодные черные костюмы, волосы аккуратно уложены с помощью геля, их лица были серьезны, а шаги синхронны, что резко контрастировало с торопливыми прохожими вокруг.

В глазах Ли Чжэна мелькнула сложная эмоция. Он узнал мужчину лет тридцати с очками в черной оправе — это был профессор Чэнь Аньбан из университета Хуацзин, который в прошлой жизни убедил его вернуться в Хуаго. То есть, эти люди были китайскими учеными, приехавшими на Азиатскую конференцию по биофармацевтике.

Чэнь Аньбан как-то упоминал, что начал заниматься биофармацевтикой в 1970-х годах, когда ситуация в этой области в Хуаго была крайне плачевной. В отличие от физики и химии, которые могли быть использованы в военных целях и получали государственную поддержку, в то время найти полную производственную линию для лекарств в Хуаго было крайне сложно.

Поэтому многие ученые в то время сменили профессию, и лишь немногие остались верны своему делу. Он говорил, что самой большой мечтой его коллег в то время было внедрение полной производственной линии для лекарств.

— Ли Чжэн, на что ты смотришь? — спросил профессор Чжао.

Ли Чжэн обернулся и улыбнулся:

— Ничего.

С тех пор как Ли Хунчжан подписал Нанкинский договор в 1842 году, Сянцзян находился под управлением Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Поколение сянцзянцев, родившееся и выросшее под британским образованием, вероятно, испытывало сложные чувства по отношению к Хуаго.

Шестеро благополучно добрались до отеля на такси. Конференция начиналась завтра утром в девять, и у них была целая ночь для свободного времени.

Ли Чжэн, как только зашел в номер, упал на кровать и заснул как убитый. Пять дней и четыре ночи без остановки, даже при молодом теле, он чувствовал себя измотанным.

Когда он снова проснулся, было уже около семи вечера. В щели под дверью лежала записка от Сюй Миншэна и остальных.

Они писали, что стучали в его дверь около пяти, но, не получив ответа, решили пойти поужинать.

Восьмидесятые годы были временем пика японской экономики. С населением в треть от американского, Япония производила почти половину ВВП США. Кроме того, в начале восьмидесятых отношения между Хуаго и Японией переживали медовый месяц. Опрос, проведенный японским правительством в 1980 году, показал, что симпатия японцев к Хуаго достигла исторического максимума в 72,7%, впервые превысив показатель для США.

Около семи-восьми вечера японская ночная жизнь только начиналась.

Ли Чжэн потрогал живот, он был голоден.

Он вышел из отеля и сел на такси, направляясь в Гиндзу. В прошлой жизни он бывал в Японии много раз и хорошо знал некоторые старые заведения здесь.

Он помнил, что на углу недалеко от Гиндзы был ресторан с потрясающим угрем. Мягкий, тающий во рту угорь с авокадо оставил у него глубокие воспоминания.

Но, как оказалось, он не успел попробовать угря, как снова встретил знакомого.

Чэнь Аньбан и несколько его коллег выходили из универмага недалеко от Гиндзы с большими сумками, улыбаясь. Да, в то время одним из преимуществ поездок за границу было то, что можно было получить разрешение на покупку небольших бытовых приборов за валюту.

Желание китайцев покупать и учиться было заложено в их крови.

— Сяо Чэнь, не расстраивайся, в следующий раз будет шанс, — сказал старший ученый, похлопав Чэнь Аньбана по плечу.

— Да, в следующий раз, — хотя так говорил Чэнь Аньбан, разочарование на его лице было трудно скрыть. В восьмидесятые годы поездка за границу была настоящим событием!

Ли Чжэн колебался, но все же подошел.

— Здравствуйте, вам нужна помощь? — он говорил на стандартном пекинском диалекте.

Китайские ученые, услышав пекинский диалект в чужой стране, почувствовали теплоту. Обернувшись, они увидели Ли Чжэна, и профессор Мэн неуверенно спросил:

— Вы из Хуаго?

Ли Чжэн кивнул:

— Я из Шэньши, провинция Хайдун. Мой дедушка из Пекина, поэтому я немного говорю на пекинском диалекте.

<http://bllate.org/book/17704/1653470>